

Еще раз о неопределенности перевода*

Уже двадцать пять лет моя книга *Слово и объект* подвергается постоянной критике относительно моего тезиса о неопределенности перевода и во всех этих случаях есть очевидное непонимание, на которое я отвечал спорадически и в разрозненных местах. Бертон Дребен вынудил меня вернуться к продуктивной дискуссии на эту тему и побудил предпринять сжатое, но всеобъемлющее объяснение.

Критики говорили, что этот тезис является следствием моего бихевиоризма. Некоторые говорили, что он является *reductio ad absurdum* моего бихевиоризма. Я не согласен со второй точкой зрения, но согласен с первой. Более того, я придерживаюсь мнения, что бихевиористский подход обязателен. В психологии можно быть или не быть бихевиористом, но в лингвистике выбора нет. Каждый из нас изучает свой язык наблюдением вербального поведения других людей и следя за своим собственным неуверенным вербальным поведением, подкрепляемым или корректируемым другими. Строго говоря, мы зависим от открытого поведения в наблюдаемых ситуациях. Всё идёт хорошо, пока команды нашего языка соответствуют всем внешним ориентирам, где наши речевые действия или наши реакции на чью-то речевые действия могут быть оценены в свете некоторой совместно разделяемой ситуации, до тех пор всё хорошо. Для носителей языка наша ментальная жизнь помимо внешних критериев во внимание не принимается.

Тогда в лингвистическом значении нет ничего, помимо того, что должно быть тщательно отобрано из публичного поведения в наблюдаемых обстоятельствах. Чтобы выявить эти ограничения, я предложил на обсуждение мысленный эксперимент с радикальным переводом. Пусть «языком-источником» — воспользуемся жаргонным выражением — будет Джангл; «языком перевода» является английский. Джангл недоступен через какой-либо известный промежу-

* Перевод Валерия Суровцева (при поддержке РФНФ (грант № 03-03-00363) и РФФИ (грант № 03-06-80359)).

Indeterminacy of Translation Again*

Over twenty-five years my *Word and Object* has sparked frequent criticism of my thesis of indeterminacy of translation and occasional evidence of misunderstanding, to which I have responded only sporadically and in scattered places. Burton Dreben has now drawn me back into fruitful discussions of the subject and urged me to undertake a succinct overall clarification.

* Текст статьи приводится по изданию *The Journal of Philosophy*. Vol. LXXXIV, N. 1, January 1987. P. 5–10. © 1987 The Journal of Philosophy, Inc.

Еще раз о неопределенности перевода*

На протяжении последних двадцати пяти лет моя книга «Слово и Объект» часто критиковалась за мой тезис о неопределенности перевода. В некоторых случаях обнаруживались ясные свидетельства неправильного понимания моего тезиса, на которые я время от времени отвечал в разрозненных заметках. Бертон Дребен помог мне вернуться к плодотворному обсуждению данного предмета и побудил к тому, чтобы дать краткое и окончательное разъяснение по этому поводу.

Критики посчитали, что данный тезис является следствием моего бихевиоризма. Некоторые из них говорили, что он сводит к абсурду мой бихевиоризм. Я не согласен с последней точкой зрения, но согласен с первой. Более того, я считаю, что бихевиористский подход является неизбежным. В психологии можно быть или не быть бихевиористом, однако в лингвистике выбирать не приходится. Мы учим язык, наблюдая за речевым поведением других людей. Другие люди также наблюдают за нашим неуверенным речевым поведением, одобряя или исправляя его. Мы полностью зависим от поведения, наблюдаемого в доступных для этого ситуациях. Все идет хорошо, пока наше владение языком соответствует всем внешним критериям, т.е. тогда, когда наше высказывание или наша реакция на чье-либо высказывание может быть оценено в контексте общей ситуации. Для определения того, насколько хорошо мы владеем языком, наша ментальная жизнь, не имеющая внешнего проявления, во внимание не принимается.

Значение в лингвистическом смысле слова состоит, таким образом, только в том, что можно по крупицам собрать, наблюдая поведение в доступных для этого условиях. Для выявления этих ограничений, я предложил мысленный эксперимент радикального перевода. «Языком оригинала» является, скажем, какой-нибудь туземный язык, «языком перевода» — английский. Туземный язык нельзя понять, исполь-

* Перевод Петра Куслия.

Critics have said that the thesis is a consequence of my behaviorism. Some have said that it is a *reductio ad absurdum* of my behaviorism. I disagree with this second point, but I agree with the first. I hold further that the behaviorist approach is mandatory. In psychology one may or may not be a behaviorist, but in linguistics one has no choice. Each of us learns his language by observing other people's verbal behavior and having his own faltering verbal behavior observed and reinforced or corrected by others. We depend strictly on overt behavior in observable situations. As long as our command of our language fits all external checkpoints, where our utterance or our reaction to someone's utterance can be appraised in the light of some shared situation, so long all is well. Our mental life between checkpoints is indifferent to our rating as a master of the language.

There is nothing in linguistic meaning, then, beyond what is to be gleaned from overt behavior in observable circumstances. In order to exhibit these limitations, I propounded the thought experiment of radical translation. The «source language,» as the jargon has it, is Jungle; the «target language» is English. Jungle is inaccessible through any known lan-

точный язык, так что нашими единственными данными являются туземные выражения и сопутствующие им обстоятельства наблюдения. Это — скудный базис, но и у самого туземца другого нет.

Наш лингвист составил бы своё руководство по переводу с помощью предполагаемых объяснений таких данных, но подтверждения были бы редки. Обычно сопутствующая, публично наблюдаемая ситуация неспособна нам предсказать, что сообщит говорящий даже в нашем собственном языке, ибо выражения обыкновенно в малой степени подходят к обстоятельствам наблюдаемым в этот момент извне, поскольку имеют место продолжающиеся в настоящее время проекции и неразделённые в прошлом переживания. В самом деле, язык именно так и служит какой-то полезной коммуникативной цели; прогнозируемые предложения не несут ничего нового.

Однако есть предложения, которые довольно строго зависят от сопутствующей публично наблюдаемой ситуации: предложения типа 'Идёт дождь' или 'Это — кролик', которые я называю *предложениями наблюдения*. Предложения Джангла, относящиеся к этому типу, суть опорные клинья нашего лингвиста. Он предварительно ассоциирует то, что произносит туземец, с наблюдаемой сопутствующей ситуацией, надеясь, что, быть может, предложения наблюдения просто привязаны к этой ситуации. Чтобы проверить это, он проявляет инициативу и, когда ситуация повторяется вновь, сам предлагает предложение с тем, чтобы туземец согласился или же нет.

Исследовательский приём и согласие или несогласие в миниатюре воплощают преимущество таких экспериментальных наук как физика над такими чисто наблюдательными науками как астрономия. Чтобы применить его, лингвист должен быть в состоянии распознать, хотя бы предположительно, знаки согласия и несогласия в обществе носителей Джангла. Если он ошибётся в предположении об этих знаках, его дальнейшее исследование утратит силу, и он предпримет новую попытку. Но есть многое и в том, чтобы продолжать идентификацию этих знаков. Прежде всего, говорящий будет выражать согласие с произнесённым выражением в любом обстоятельстве, в котором он проявил инициативу.

Тогда наш лингвист ориентировочно продолжит идентификацию и перевод предложений наблюдения. Некоторые из них, вероятно, составятся из других таких предложений способами, намекающими на наши логические частицы 'и', 'или', 'но', 'не'. Сопоставляя ситуации, в которых команда ту-

Перевод В. Суворцева

См. с. 36

guges as way stations, so our only data are native utterances and their concurrent observable circumstances. It is a meager basis, but the native speaker himself has had no other.

Our linguist would construct his manual of translation by conjectural extrapolation of such data, but the confirmations would be sparse. Usually the concurrent publicly observable situation does not enable us to predict what a speaker even of our own language will say, for utterances commonly bear little relevance to the circumstances outwardly observable at the time; there are ongoing projects and unshared past experiences. It is only thus, indeed, that language serves any useful communicative purpose; predicted utterances convey no news.

There are sentences, however, that do hinge pretty strictly on the concurrent publicly observable situation: sentences like 'It's raining' or 'That's a rabbit', which I call *observation sentences*. Jungle sentences of this sort are our linguist's entering wedge. He tentatively associates

зую какие-либо известные нам третьи языки, поэтому нашими единственными сведениями будут высказывания туземца и сопутствующие им доступные наблюдению условия. Вот и все, что у нас есть, но и у самого туземца не было ничего другого.

Наш лингвист будет создавать своё руководство по переводу с помощью гипотетической экстраполяции таких сведений, однако случаи перевода, подтверждаемого поведением, будут редкими. Как правило, наличная и доступная наблюдению ситуация не позволяет нам предсказать, что скажет человек, говорящий даже на нашем собственном языке. Дело в том, что в большинстве случаев высказывания мало связаны с условиями, доступными для нашего наблюдения в конкретное время. Причиной этому являются скрытые намерения и скрытый предшествующий опыт. Только таким образом язык вообще может служить для полезных целей коммуникации; высказывания, которые можно предсказать, не несут новой информации.

Однако существуют предложения, которые на самом деле довольно строго зависят от наличной и доступной наблюдению ситуации — это предложения типа «Идет дождь» или «Это кролик», которые я называю *предложениями наблюдения*. Такие предложения туземного языка служат нашему лингвисту в качестве взламывающего тарана. Он условно связывает высказывание туземца с наблюдаемой наличной ситуацией в надежде, что это высказывание окажется просто предложением наблюдения, связанным с данной ситуацией. Чтобы это проверить, он проявляет инициативу и, когда данная ситуация повторяется, сам проговаривает это предложение, чтобы получить от туземца согласие или несогласие.

Данный прием, связанный с формированием запроса и выражением согласия или несогласия, в миниатюре обнаруживает преимущество экспериментальной науки, например физики, перед наукой, основанной только на наблюдении, например перед астрономией. Чтобы им воспользоваться, лингвист должен быть в состоянии распознавать, хотя бы гипотетически, знаки согласия или несогласия, принятые в туземном обществе. Если он неверно угадывает эти знаки, то дальнейшее его исследование будет все менее продуктивным, и он начнет заново. Можно многократно предпринимать попытки опознать эти знаки, начиная, однако, с высказывания лингвиста, с которым носитель языка будет соглашаться в любой ситуации их произнесения.

После этого наш лингвист продолжает пробные попытки опознания и перевода предложений наблюдения. Возможно, некоторые из них будут составлены из уже опознанных предложений способом, чем-то сходным с нашим употреблением логических связок «и», «или», «но», «не». Сопоставляя ситуации, в кото-

Перевод П. Куслия

См. с. 37

a native's utterance with the observed concurrent situation, hoping that it might be simply an observation sentence linked to that situation. To check this he takes the initiative, when the situation recurs, and volunteers the sentence himself for the native's assent or dissent.

This expedient of query and assent or dissent embodies, in miniature, the advantage of an experimental science such as physics over a purely observational science such as astronomy. To apply it the linguist must be able to recognize, if only conjecturally, the signs of assent and dissent in Jungle society. If he is wrong in guessing those signs, his further research will languish and he will try again. But there is a good deal to go on in identifying those signs. For one thing, a speaker will assent to an utterance in any circumstance in which he would volunteer it.

Our linguist then goes on tentatively identifying and translating observation sentences.

земца согласуется с составными предложениями, с ситуациями, в которых команда согласуется с компонентами, и сходным образом в случае несогласия, лингвист может получить правдоподобный контур таких связей.

В отличие от предложений наблюдения большинство выражений противятся соотносению с сопутствующими стимулами, которые может разделять наш лингвист. Взяв всё на себя, он может проявить инициативу и уточнить такое предложение относительно согласия или несогласия в различных ситуациях, однако соответствия с сопутствующей стимуляцией в предстоящем случае нет. Ну и что дальше?

Он может вести учёт этих необъяснённых предложений и расчленять их. Некоторые из сегментов будут встречаться также и в уже объяснённых предложениях наблюдения. Он будет трактовать их как слова и пытаться уравнивать их с английскими выражениями способами, которые предполагаются этими предложениями наблюдения. Это — то, что я назвал аналитическими гипотезами. Здесь работа идёт вслепую, а придётся угадывать ещё больше. Лингвист будет обращаться к необъяснённым предложениям, не являющимся предложениями наблюдения, в которых встречаются те же самые слова, и будет проектировать предположительные интерпретации некоторых из этих предложений в составе данных спорадических фрагментов. Он будет накапливать предполагаемый словарь Джангла с английским переводом и предполагаемый аппарат грамматических конструкций. Затем начнётся рекурсия, определяющая предполагаемые переводы потенциальной бесконечности предложений. Работая с туземцами, наш лингвист проводит проверку эффективности своей системы и продолжает обдумывать и разгадывать её снова. Рутинная уточнения и согласования, которая была его подстраховкой при переводе предложений наблюдения, продолжает оказывать неоценимую услугу и на этих более продвинутых и более предположительных уровнях.

Ясно, что цель труднопреодолима, а свобода предположений грандиозна. На практике радикальный перевод избегается поиском того, кто может интерпретировать язык, хоть и сбивчиво, в каком-то знакомом языке. Но только радикальный перевод выставляет на показ скудость исходных данных для идентификации значений.

Перевод В. Суворцева

См. с. 38

Some of them are perhaps compounded of others of them, in ways hinting of our logical particles 'and', 'or', 'but', 'not'. By collating the situations that command the natives' assent to the compounds with the situations that command assent to the components, and similarly for dissent, the linguist may get a plausible line on such connectives.

Unlike observation sentences, most utterances resist correlation with concurrent stimulations that the linguist can share. Taking the initiative, he may volunteer and query such a sentence for assent or dissent in various situations, but no correlation with concurrent stimulation is forthcoming. What next?

He can keep a record of these unconstrued sentences and dissect them. Some of the segments will have occurred also in the already construed observation sentences. He will treat them as words, and try pairing them off with English expressions in ways suggested by those observation sentences. Such are what I have called analytical hypotheses. There is guesswork here, and more extravagant guesswork to follow. The linguist will turn to the uncon-

рых туземцы выказывают согласие (несогласие) с составными предложениями, с ситуациями, в которых туземцы выказывают согласие (несогласие) с отдельными их составными частями, лингвист может получить правдоподобные сведения об этих связках.

В отличие от предложений наблюдения, большинство высказываний не могут быть напрямую увязаны с сопутствующими стимулами, воспринимаемыми также и лингвистом. Последний может произносить такое предложение, стремясь получить согласие или несогласие туземца в различных ситуациях, но никакой корреляции с сопутствующими стимулами здесь не обнаружится. Что дальше?

Он может вести учёт предложений, которые он не смог истолковать, и расчленять их. Некоторые из сегментов отыщутся в уже истолкованных предложениях наблюдения. Он будет рассматривать их как слова и, опираясь на имеющиеся предложения наблюдения, попытается найти им соответствия среди английских выражений. Именно их я и называю аналитическими гипотезами. При этом придётся строить множество догадок, и чем дальше, тем более экстравагантными будут эти догадки. Затем лингвист вернется к предложениям, не являющимся предложениями наблюдения, которые остались неистолкованными. Обнаружив в них те же самые слова, он сможет дать некоторым из этих предложений гипотетическую интерпретацию, основанную на этих разрозненных фрагментах. У него накопится предварительное опробованный туземный словник с английским переводом и предварительный набор грамматических конструкций. Затем начинается возвратное движение, позволяющее осуществить пробный перевод потенциально бесконечного числа предложений. Общаясь с туземцами, наш лингвист продолжает проверять эффективность своей системы; он по-прежнему делает ошибки и строит новые догадки. Рутинная работа, связанная с задаванием вопросов и получением согласия, которая позволяла ему истолковывать предложения наблюдения, продолжает оказывать ему бесценную помощь также и на этих более высоких и более гипотетических уровнях.

Очевидно, что задача является трудноразрешимой, а свобода для построения гипотез огромной. На практике радикального перевода стремятся избежать, разыскивая человека, способного перевести туземный язык, пусть и с искажениями, на какой-либо более знакомый язык. Однако только в радикальном переводе проявляется недостаточность исходных сведений для распознавания значений.

Перевод П. Куслия

См. с. 39

strued, nonobservational sentences in which these same words occurred, and he will project conjectural interpretations of some of those sentences on the strength of these sporadic fragments. He will accumulate a tentative Jungle vocabulary, with English translations, and a tentative apparatus of grammatical constructions. Recursion then sets in, determining tentative translations of a potential infinity of sentences. Our linguist keeps testing his system for its efficacy in dealing with natives, and he goes on tinkering with it and guessing again. The routine of query and assent that had been his standby in construing observation sentences continues to be invaluable at these higher and more conjectural levels.

Clearly the task is formidable and the freedom for conjecture is enormous. Radical translation is avoided in practice by finding someone who can interpret the language, however haltingly, into a somewhat familiar one. But it is only radical translation that exposes the poverty of ultimate data for the identification of meanings.

Рассмотрим тогда, какие ограничивающие условия может пустить в ход наш радикальный переводчик с тем, чтобы помочь сориентировать свои предположения. Полезна приемственность: от тех выражений, которые произносятся одно за другим, можно ожидать, что они соотносятся друг с другом. Кроме того, когда несколько таких выражений могут быть предварительно интерпретированы, их соотношение само может предполагать перевод соединения слов, которые помогут в обнаружении сходных связей в других местах.

Рано или поздно переводчик будет зависеть от психологических предположений относительно того, во что, возможно, верит туземец. Эта стратегия уже управляла его переводами предложений наблюдения. Она будет продолжать действовать за рамками уровня наблюдения, удерживая его от перевода туземного утверждения в слишком уж вопиющую ложь. Он будет оказывать предпочтение переводам, приписывающим туземцу убеждения, которые само собой разумеются или созвучны наблюдаемому образу жизни туземца. Но он не будет развивать эти оценки, если структура, придаваемая грамматике и семантике туземца, будет чрезмерно усложняться, ибо это снова отдавало бы плохой психологией. Язык должен быть достаточно простым для овладения самими туземцами, о чьих сознаниях, впадая очевидно в противоположность, предполагается, что они в значительной степени подобны нашим собственным. Практическая психология поддержит нашего радикального переводчика на этом пути, метод его психологии — эмпатия; он в меру своих сил вообразает себя в ситуации туземца.

Наш радикальный переводчик непрерывно использовал бы своё руководство для перевода и продолжал бы пересматривать его в свете своего успешного и ошибочного общения. Но в чём бы состояли эти достижения и неудачи, или каким образом они могли бы быть осознаны? Успешная торговля с туземцами рассматривалась бы как доказательство того, что руководство совершенствуется удачно. Гладко текущий разговор был бы дальнейшим подходящим доказательством. Реакция удивления или замешательства со стороны туземца или очевидно неподходящий ответ вели бы к предположению, что с руководством неладит.

Мы без труда вообразаем подъёмы и падения переводчика. Вероятно, он предварительно перевёл два туземных предложения в английские предложения, которые близки друг другу семантически, и он находил то же самое

Перевод В. Суровцева

См. с. 40

Let us consider, then, what constraints our radical translator can bring to bear to help guide his conjectures. Continuity is helpful: successive utterances may be expected to have some bearing on one another. When several such have been tentatively interpreted, moreover, their interrelation itself may suggest the translation of a linking word that will be helpful in spotting similar connections elsewhere.

The translator will depend early and late on psychological conjectures as to what the native is likely to believe. This policy already governed his translations of observation sentences. It will continue to operate beyond the observational level, deterring him from translating a native assertion into too glaring a falsehood. He will favor translations that ascribe beliefs to the native that stand to reason or are consonant with the native's observed way of life. But he will not cultivate these values at the cost of unduly complicating the structure to be imparted to the native's grammar and semantics, for this again would be bad psycholo-

Рассмотрим, какими ограничениями может руководствоваться наш лингвист при выдвижении своих гипотез. Весьма полезной может оказаться непрерывная приемственность: можно ожидать, что следующие друг за другом высказывания соотносятся друг с другом. Когда несколько таких высказываний уже предварительно переведены, их взаимоотношение может подсказать перевод слова-связки, которое окажется полезным для опознания сходных связей в других местах.

Как на первых порах, так и позднее, переводчик будет зависеть от психологических гипотез о том, во что верит туземец. Он уже руководствовался этой методикой при переводе предложений наблюдения. Она и дальше будет использоваться за пределами уровня наблюдения, удерживая его от явного ложного перевода утверждений туземца. Он будет оказывать предпочтение переводам, которые будут приписывать туземцу верования, согласующиеся или совместимые с его наблюдаемым образом жизни. Однако он не станет настаивать на этих значениях (values), если они требуют чрезмерного усложнения структуры, приписываемой грамматике и семантике туземца, потому что, опять же, это была бы скверная психология. Язык должен быть достаточно простым, чтобы им могли овладеть туземцы, поскольку предполагается, что их сознание, за отсутствием свидетельств обратного, очень схоже с нашим. Именно практическая психология все это время будет служить опорой для нашего переводчика. Методом же его психологии является вживание: он всеми силами старается поставить себя на место туземца.

Наш радикальный переводчик будет непрерывно использовать свое усовершенствующееся руководство по переводу, постоянно исправляя его в зависимости от своих успехов или неудач коммуникации. Но в чем заключаются эти успехи или неудачи, иными словами, каким образом их опознавать? Успешное общение с туземцами считается свидетельством того, что руководство совершенствуется. Беспрепятственное общение будет следующим положительным признаком. Удивление или замешательство со стороны туземца, а также очевидно неуместные реакции указывают, скорее, на то, что создание руководства пошло по неверному пути.

Мы без труда можем представить себе удачи и неудачи, подстергающие переводчика. Предположим, он предварительно перевёл два предложения туземца на английский язык, получив два предложения, схожих друг с другом в каком-то семантическом смысле, и обнаруживает, что это же самое сходство отражено в том, как сам туземец использует эти два предложения. Данное обстоятельство повыша-

Перевод П. Куслия

См. с. 41

gy; the language must have been simple enough for acquisition by the natives, whose minds, failing evidence to the contrary, are presumed to be pretty much like our own. Practical psychology is what sustains our radical translator all along the way, and the method of his psychology is empathy: he imagines himself in the native's situation as best he can.

Our radical translator would put his developing manual of translation continually to use, and go on revising it in the light of his successes and failures of communication. And where in do these successes and failures consist, or how are they to be recognized? Successful negotiation with natives is taken as evidence that the manual is progressing well. Smooth conversation is further favorable evidence. Reactions of astonishment or bewilderment on a native's part, or seemingly irrelevant responses, tend to suggest that the manual has gone wrong.

We readily imagine the translator's ups and downs. Perhaps he has tentatively translated two native sentences into English ones that are akin to each other in some semantic

сродство, отражённое в туземном использовании двух туземных предложений. Это ободряет его в том, как он подбирает пары предполагаемых переводов. Так он и продолжает, беспечно полагая, что он понят, пока его не прервут. Это может склонить его к тому, что его пара переводов всё же была ошибочна. И он удивляется, почему ещё совсем недавно в предшествующем разговоре, который тек так гладко, он считал, что всё в порядке.

Исследования, рассмотренного нами типа, — это всё, с чем должен продолжать радикальный переводчик. Это связано не с тем, что значения предложений неуловимы и непроницаемы; это связано с тем, что в них нет ничего, помимо того, что могут выработать эти неуклюжие процедуры. Нет надежды на то, чтобы даже кодифицировать эти процедуры и затем *определить*, что, ссылаясь на них, считать за перевод; ибо эти процедуры сравнивают несоизмеримые значения. Сколько, например, нелепого мы можем допустить в убеждениях туземца, для того, чтобы уклониться от стольких же нелепостей в его грамматике и семантике?

Эта размышления оставляют нам мало причин ожидать, что два радикальных переводчика, независимо работающих с Джанглом, пришли бы к руководству, приемлемому для обоих. Их руководства могут быть неразличимы с точки зрения любого поступка туземца, которого они имеют причину ожидать, и, однако, каждое руководство может предписывать некоторые переводы, которые другой переводчик отрицал бы. Таков тезис неопределённости перевода.

Мой широко обсуждаемый пример с *gavagai*¹ иллюстрирует неопределённость перевода только относительно терминов, а не предложений. Рассматриваемое скорее как предложение наблюдения, *Gavagai* непосредственно служит ключом к тому, чтобы определить стимульные ситуации, которые открыты эмпирическому исследованию и предоставляют самые устойчивые ориентиры. Точно также мои примеры с японскими классификаторами² есть лишь предмет терминов, а не предложений. Более экстравагантные примеры, предоставленные приближёнными функциями, всё ещё имеют дело с терминами³. Но мой тезис о неопределённости перевода применяется прежде всего и по преимуществу к предложениям, рассмотренным голоф-

Перевод В. Суворцева

См. с. 42

way, and he finds this same kinship reflected in a native's use of the two native sentences. This encourages him in his pair of tentative translations. So he goes on blithely supposing that he is communicating, only to be caught up short. This may persuade him that his pair of translations was wrong after all. He wonders how far back, in the smooth-flowing antecedent conversation, he got off the beam.

Considerations of the sort we have been surveying are all that the radical translator has to go on. This is not because the meanings of sentences are elusive or inscrutable; it is because there is nothing to them, beyond what these fumbling procedures can come up with. Nor is there hope even of codifying these procedures and then *defining* what counts as translation by citing the procedures; for the procedures involve weighing incommensurable values. How much grotesqueness may we allow to the native's beliefs, for instance, in order to avoid how much grotesqueness in his grammar or semantics?

These reflections leave us little reason to expect that two radical translators, working independently on Jungle, would come out with manuals acceptable to both. Their

ет его уверенность в правильности этих двух предварительных вариантов перевода. Он беспечно продолжает, полагая, что поддерживает коммуникацию, как вдруг убеждается в обратном. Это может склонить его к предположению, что эти два варианта перевода были, в конечном счете, неверными. Он задумывается о том, в какой именно момент гладко протекавшего предшествующего разговора он сбился с правильного пути.

В своей работе радикальный переводчик руководствуется лишь соображениями, подобными тем, которые мы только что рассмотрели. Так происходит не потому, что значения предложений являются неуловимыми или непостижимыми, а потому, что все, что в этих значениях есть, можно обнаружить только прибегая к таким неуклюжим процедурам. Здесь даже нет надежды на то, чтобы кодифицировать эти процедуры, а затем, ссылаясь на них, *дать определение* тому, что считается переводом, поскольку в сами эти процедуры включают взвешивание несоизмеримых значений (values). Сколько нелепостей мы можем допустить, например, в верованиях туземца, и скольких нелепостей это поможет нам избежать в его грамматике и семантике?

Данные рассуждения дают нам слишком мало оснований для предположения, что у двух радикальных переводчиков, работающих с туземным языком независимо друг от друга, в итоге получатся руководства, которые они оба будут считать приемлемыми. Их руководства могут полностью совпадать в том, что касается ожидаемого поведения туземцев, и, тем не менее, может случиться так, что каждое из этих двух руководств будет допускать такие виды перевода, которые будут отвергаться другим руководством. В этом и заключается тезис о неопределённости перевода.

Мой часто обсуждавшийся пример *gavagai*¹ иллюстрирует неопределённость перевода лишь относительно терминов, но не предложений. Если рассматривать *Gavagai* скорее как предложение наблюдения, то оно непосредственно подходит для установленных стимульных ситуаций, доступных для эмпирического исследования и являющихся надёжными внешними критериями. Сходным образом мой пример с японскими счетными классификаторами² касается только терминов, а не предложений. Более экстравагантные примеры, также относящиеся к терминам, связаны с функциями замещения.³ Но прежде всего и в первую очередь мой тезис о неопределённости перевода применим к предложениям, рассмотренным

Перевод П. Кузнецова

См. с. 43

manuals might be indistinguishable in terms of any native behavior that they gave reason to expect, and yet each manual might prescribe some translations that the other translator would reject. Such is the dyesis of indeterminacy of translation.

My much-discussed example *gavagai*¹ illustrates the indeterminacy of translation only of terms, not of sentences. When seen rather as an observation sentence, *Gavagai* is keyed directly to determinate stimulus situations that are open to empirical investigation and afford the firmest of checkpoints. Likewise my example of Japanese classifiers² is a matter only of terms and not of sentences. More extravagant examples, having to do still with terms, are afforded by proxy functions.³ But my thesis of indeterminacy of translation applies first and foremost to sentences, holophrastically conceived; and this I despair of documenting.

¹ *Word and Object* (Cambridge, Mass.: MIT Press, 1960), pp. 29–45. (Ср. Куайн У. В. О. Слово и объект. М.: Практик, 2000. С. 46–65. — Прим. перев.).

² *Ontological Relativity and Other Essays* (New York: Columbia, 1969), pp. 35–38.

³ *Theories and Things* (Cambridge, Mass.: Harvard, 1981), pp. 19–22.

растически; и это я отчаиваюсь задокументировать. Радикальный перевод сохoden с чудом и он не делается дважды в одном и том же языке. Но конечно, когда мы размышляем о границах возможных данных для радикального перевода, неопределённость несомненна.

Суть моего мысленного эксперимента относительно радикального перевода была философской: критика некритического понятия значений и, тем самым, интроспективной семантики. Меня заботило обнаружение её эмпирических границ. Предложение имеет значение, человеческую мысль, другое предложение является его переводом, если оно имеет то же самое значение. Но это, как мы видели, не проходит.

Критика значения, нивелированная моим тезисом о неопределённости перевода, подразумевает устранение недоразумений, но результатом не является нигилизм. Перевод остаётся и является неизбежным. Неопределённость подразумевает не то, что нет приемлемого перевода, но то, что их существует много. Хорошее руководство для перевода соответствует всем ориентирам вербального поведения, и то, что не на поверхности какого-то ориентира, не может нанести ущерб.

Я ведь не отвергаю семантику, разбирая старое понятие значений слов и предложений. Есть много полезной работы, делающейся и уже сделанной, которая рассматривает метод и обстоятельства использования слов. Лексикография есть её очевидное проявление. Есть также много возможностей для усовершенствования семантической теории. Но я не искал бы научной реабилитации чего-то подобного старому понятию обособленных и отчётливых значений; это понятие лучше рассматривать как устранённый камень преткновения. В действительности в последние годы оно является камнем преткновения в большей степени для философов, чем для учёных-лингвистов, которые по понятным причинам просто находят его технически бесполезным.

Некоторые из моих читателей затрудняются с видением того, каким образом тезис о неопределённости перевода есть нечто большее, чем специальный случай тезиса о том, что естествознание недостаточно определено всеми возможными наблюдениями. Это, в свою очередь, предполагается представлением Пьера Дюгема о том, что когда мы проверяем теорию в свете противостоящего наблюдения, мы свободны в выборе того, какой компонент предложений теории отменить.

Перевод В. Суровцева

См. с. 44

Radical translation is a near miracle, and it is not going to be done twice to the same language. But surely, when we reflect on the limits of possible data for radical translation, the indeterminacy is not to be doubted.

The point of my thought experiment in radical translations was philosophical: a critique of the uncritical notion of meanings and, therewith, of introspective semantics. I was concerned to expose its empirical limits. A sentence has a meaning, people thought, and another sentence is its translation if it has the same meaning. This, we see, will not do.

The critique of meaning leveled by my thesis of indeterminacy of translation is meant to clear away misconceptions, but the result is not nihilism. Translation remains, and is indispensable. Indeterminacy means not that there is no acceptable translation, but that there are many. A good manual of translation fits all checkpoints of verbal behavior, and what does not surface at any checkpoint can do no harm.

как единое целое; но у меня нет никакой надежды подтвердить это документально. Радикальный перевод — это почти чудо, и его нельзя дважды проделать с одним и тем же языком. Однако когда мы размышляем об ограниченности доступных нам сведений, необходимых для радикального перевода, сама неопределённость перевода не вызывает никаких сомнений.

Цель моего мысленного эксперимента по радикальному переводу имела философский характер и заключалась в критике наивно принимаемого понятия значений, равно как и семантики, основанной на интроспекции. Я стремился выявить эмпирические границы этого понятия. Считалось, что переводом обладающего значением предложения является другое предложение, если оно обладает таким же значением. Как мы видим, это не так.

Критика значения, заданная моим тезисом о неопределённости перевода, направлена против неверных взглядов, но она не приводит к нигилизму. Переводы продолжают существовать и не перестают быть необходимыми. Неопределённость означает не невозможность приемлемого перевода, а возможность множества таковых. Хорошее руководство по переводу удовлетворяет всем критериям речевого поведения, а то, что с помощью этих критериев установить невозможно, не может причинить никакого вреда.

Отвергая старое понятие значений слов и предложений, я не отказываюсь от семантики. Много уже сделано и не меньше предстоит сделать, изучая способы и условия словоупотребления. Лексикография добивается здесь явных успехов. Есть, кроме того, широкие возможности для усовершенствования семантической теории. Однако я бы не стал стремиться к научной реабилитации такой вещи, как старое понятие обособленных и отчётливых значений; данное понятие лучше рассматривать как камень преткновения, который остался позади. Последнее время это понятие, в действительности, было камнем преткновения скорее для философов, чем для учёных-лингвистов, которые по понятным причинам сочли его просто непригодным для технического использования.

Некоторые из моих читателей смогли понять тезис о неопределённости перевода лишь как частный случай положения о недоопределённости естествознания всеми возможными наблюдениями. Оно, в свою очередь, было выдвинуто Пьером Дюгемом, считавшим, что когда мы пересматриваем теорию в свете противоречащего ей наблюдения, мы вольны выбирать, какие предложения, входящие в состав теории, нам отбросить.

Перевод П. Кусяя

См. с. 45

Nor, in scouting the old notion of meanings of words and sentences, do I repudiate semantics. There is much useful work, done and to be done, regarding the manner and circumstances of the use of words. Lexicography is its conspicuous manifestation, and there is much scope also for refinements of semantic theory. But I would not seek a scientific rehabilitation of something like the old notion of separate and distinct meanings; that notion is better seen as a stumbling block cleared away. In later years indeed it has been more of a stumbling block for philosophers than for scientific linguists, who, understandably, have simply found it not technically useful.

Some of my readers have had difficulty in seeing how the thesis of indeterminacy of translation is anything but a special case of the thesis that natural science is underdetermined by all possible observation. This, in turn, is suggested by Pierre Duhem's perception that when we revise a theory in the light of a recalcitrant observation we are free to choose which component sentences of the theory to revoke.

Неопределённость перевода отличается от недостаточной обоснованности науки тем, что только вербальное поведение туземца определяет правильность и ошибочность руководства по переводу; претензий относительно механизмов, касающихся нервной системы, нет. Если переводчики расходятся относительно перевода предложения Джангла, но поведение со стороны носителя Джангла к разногласию не ведёт, то предмета для обсуждения просто нет. С другой стороны, в случае естествознания предмет для обсуждения есть, даже если все возможные наблюдения недостаточны, чтобы раскрыть его единообразно. Факты природы выходят за рамки наших теорий так же как и всех возможных наблюдений, тогда как традиционная семантика не выходит за рамки фактов языка.

В таком противопоставлении недостаточной определённости естествознания с неопределённостью перевода я принял реалистический взгляд на природу, которого действительно придерживаюсь. Но я везде провожу различие, не опираясь на реализм, следующим образом. Мы снова допускаем, что естествознания недостаточно определено всяким возможным наблюдением. Однако предположим, что мы обосновали одну из многих всеобъемлющих теорий природы, которой соответствует всякое возможное наблюдение. Перевод остаётся неопределённым, как раз относительно этой выбранной теории природы. Таким образом, неопределённость перевода есть неопределённость, дополнительная к недостаточной определённости природы.

В заключении я хочу добавить не относящееся к основной проблеме замечание относительно неопределённости в свете очевидно повторяющейся неверной интерпретации. Моя неопределённость применяется только к переводу, и не в коем случае к грамматической правильности. Я представлял грамматическую правильность как подлежащую совершенствованию и законченную в своих границах, но помимо этого я рассматриваю грамматическую правильность, а не перевод, как адекватно предопределённую поведенческими установками. Структурно непохожие кодификации грамматики на самом деле в итоге могут быть эквивалентными, но это подразумевается само собой. В связи с этим, я повторяю, семантика также продолжает оставаться жизненной областью исследования. То, что я оспаривал, есть лишь непродуманное понятие в рамках традиционной семантики, а именно, понятия сходства значения.

Перевод В. Суровцева

The indeterminacy of translation differs from the underdetermination of science in that there is only the natives' verbal behavior for the manuals of translation to be right or wrong about; no claims are laid regarding hidden neural mechanisms. If translators disagree on the translation of a Jungle sentence but no behavior on the part of the Jungle people could bear on the disagreement, then there is simply no fact of the matter. In the case of natural science, on the other hand, there is a fact of the matter, even if all possible observations are insufficient to reveal it uniquely. The facts of nature outrun our theories as well as all possible observations, whereas the traditional semantics outruns the facts of language.

In thus contrasting the underdetermination of natural science with the indeterminacy of translation I have taken a realistic view of nature, which indeed I hold. But I have elsewhere drawn the contrast without the realism, in the following way. Natural science, we again assume, is underdetermined by all possible observation. However, suppose that we have settled for one of the many over-all theories of nature that fit all possible observation. Transla-

Неопределённость перевода отличается от недоопределённости науки тем, что наши руководства по переводу могут быть верными или неверными только относительно речевого поведения туземцев; здесь ничего не утверждается о скрытых механизмах нервной системы. Если переводчики расходятся в переводе какого-то предложения туземного языка, но ничто в поведении самих туземцев не указывает на это расхождение, то в таком случае просто нет факта, который можно обсуждать. В случае же естествознания, напротив, такой факт есть. Он существует даже в том случае, если всех наших возможных наблюдений недостаточно для того, чтобы точно и определено его выявить. Факты природы выходят за пределы как наших теорий, так и всех наших возможных наблюдений, тогда как традиционная семантика выходит за пределы фактов языка.

Противопоставляя таким образом недоопределённость естествознания и неопределённость перевода, я занял сторону реалистического взгляда на природу, которого на самом деле придерживаюсь. Но это противопоставление мне доводилось сохранять и не прибегая к реалистической позиции, и вот каким образом. Естествознание, как мы опять же предполагаем, является недоопределённым всеми возможными наблюдениями. Допустим, однако, что мы согласились с какой-то одной из многих всеохватных теорий природы, согласующейся с любым возможным наблюдением. Перевод остаётся неопределённым – даже относительно этой выбранной нами теории природы. Таким образом, неопределённость перевода является неопределённостью помимо недоопределённости природы.

В заключение я хочу сделать одно не относящееся к делу замечание касательно неопределённости, к которому меня побуждают частые свидетельства ее неправильного толкования. Мой тезис о неопределённости относится только к переводу, но ни в коем случае не к грамматической правильности. С моей точки зрения, грамматическая правильность может в известных пределах быть обобщена и приведена к законченной форме, но что касается всего остального, то я считаю, что грамматическая правильность, в отличие от перевода, достаточным образом определена поведенческими предрасположенностями. Между тем, совершенно очевидно, что различные по своей структуре изложения грамматических правил могут давать один и тот же результат в случае их применения. Поэтому, повторюсь, семантика также остается привлекательной областью исследования. Я оспаривал только одно плохо продуманное понятие традиционной семантики – тождественность значения.

Гарвардский университет

Перевод П. Куслия

tion remains indeterminate, even relative to the chosen theory of nature. Thus the indeterminacy of translation is an indeterminacy additional to the underdetermination of nature.

In closing I want to add an unrelated remark on indeterminacy, in the light of recurring evidence of misinterpretation. My indeterminacy applies only to translation, and in no way to grammaticality. I have represented grammaticality as subject to rounding out and rounding off at its limits, but apart from that I see grammaticality, unlike translation, as adequately determined by behavioral dispositions. Structurally unlike codifications of grammaticality can indeed be equivalent in output, but that goes without saying. Incidentally, semantics likewise continues to be, I repeat, a vital domain of inquiry. What I have challenged is just an ill-conceived notion within traditional semantics, namely, sameness of meaning.

W. V. Quine